

Домой он возвращался едва ли не бегом, задыхаясь от паники.

Впрочем, назвать это место «домом» язык не поворачивался. Прежнюю квартиру, где они когда-то жили втроем, отец — Чэнь Шунь — давно спустил за долги. Эту тесную двухкомнатную лачугу он раздобыл какими-то темными путями, и за все время никто ни разу не пришел требовать с них плату за аренду.

Едва переступив порог, Чэнь Илинь замер: из кухни доносился аппетитный запах домашней еды.

— Мама? — даже не разуваясь, он бросился на кухню.

Линь Сяоли как раз перекладывала рыбу на блюдо. Услышав его голос, она даже головы не подняла, ответив привычно холодным тоном:

— Садись за стол.

— Сейчас, — парень торопливо вымыл руки и вернулся на кухню, чтобы помочь разнести тарелки.

Вечно захламленная гостиная сияла чистотой. Покрытый вековой пылью обеденный стол отполировали до блеска, а отключенный прежде холодильник теперь ломился от свежих овощей и мяса. Чэнь Илинь, воодушевленный непривычным уютом, крутился подле матери, подавая ей кухонную утварь:

— Что-нибудь еще приготовить?

— Еще баклажаны с чесноком. Отец их любит, — безучастно отозвалась Линь Сяоли.

Радость на лице Илия мгновенно улетучилась.

— Он что, сегодня придет?

— Я сама ему позвонила. Нужно кое-что обсудить, — все так же сурово ответила мать.

Она была по-настоящему красивой женщиной. Сложно было поверить, что ей уже за сорок: аккуратная прическа, изящно подведенные брови, безупречный макияж и блестящие золотые серьги в ушах. Илинь не видел ее больше года и теперь никак не мог оторвать взгляда, боясь неосторожным словом разрушить хрупкую идиллию.

— Мама... ты теперь останешься? Или опять уедешь? — спросил он, сглатывая слюну при виде

аппетитных блюд.

— Еще не знаю, — Линь Сяоли наконец взглянула на сына. — И почему ты худой такой? Кожа да кости.

Чэнь Илинь неловко усмехнулся:

— Да нормально все, ем как обычно, даже много.

Мать недовольно нахмурилась:

— Отец хвастался, что пристроил тебя куда-то. Где ты сейчас работаешь?

— В столовой профтеха помогаю. Директор — отцовский приятель, — Чэнь Илинь смущенно потер кончик носа.

Линь Сяоли скользнула взглядом по его распухшему запястью и тут же отвела глаза.

— Много ли в этой столовой платят... Да и дружки твоего папаши те еще...

На лице женщины промелькнуло глубокое отвращение, но она сдержалась и не стала развивать тему. Лишь резко добавила:

— Работай честно, а деньги откладывай и трать только на себя. Ему — ни копейки не давай.

Ее взгляд тяжело опустился на багровые синяки, усеявшие лицо сына.

— Да, я понял, — Чэнь Илинь покорно опустил голову, с силой сжимая и разжимая пальцы на коленях. — Мама... если ты решишь уехать, можно мне с тобой?

В ответ повисла гнетущая тишина. Илинь уже хотел перевести разговор на другую тему, чтобы сгладить неловкость, как вдруг в прихожей со щелчком повернулся ключ. Парень инстинктивно вжал голову в плечи и весь напрягся, не сводя глаз с исходящего паром ужина.

— Ну и зачем я понадобился? — Чэнь Шунь вошел, зажав в зубах дымящуюся сигарету. Он швырнул куртку на диван и, бесцеремонно выдвинув стул, грузно уместился у стола.

— Сначала поедим, — Линь Сяоли кивнула сыну.

Только после этого Илинь робко взял палочки и потянулся к столь желанной тушеной рыбе.

— Ишь, выискался! Старшие за стол не сели, а ты уже пасть разинул, — Чэнь Шунь наотмашь хлестнул палочками сына по тыльной стороне ладони.

Руку обожгло резкой болью. Закусив губу, Чэнь Илинь послушно отложил палочки.

Довольный покорностью сына, Чэнь Шунь осклабился. Он принялся неряшливо ковыряться палочками в рыбе, переворачивая куски, облизал их и глумливо уставился на жену:

— Ишь ты! Разбогатела, что ли, на стороне? Столько мяса накупила. А я-то думал, ты там себе хахаля нашла, раз домой не торопилась.

Линь Сяоли даже не удостоила его взглядом, молча ковыряясь в чашке с рисом.

Чэнь Илинь изо всех сил подавлял кипевшую в груди ярость, но помалкивал. Подобное творилось в их доме постоянно. Стоило ему заступиться за мать, как отец окончательно слетал с катушек. Илинь мог бы дать сдачи, но силы были слишком равны — вернее, огромный отец всегда выходил победителем, и любое вмешательство лишь делало хуже.

— Давай разведемся, — тихо произнесла Линь Сяоли, откладывая палочки. Ее остекленевший взгляд был устремлен в пустоту, но в голосе сквозило долгожданное облегчение. — Мне ничего от тебя не надо. Забирай все.

Парень оцепенел. Он во все глаза смотрел на мать, едва шевеля пересохшими губами:

— Мама...

— Чего-о? Развод? — Чэнь Шунь вылутился на нее так, словно услышал лучшую шутку в своей жизни. Его грузная туша затряслась от утробного хохота, обнажив прокуренные желтые зубы. Он походил на оскалившегося дикого зверя.

Вдруг он с грохотом обрушил тяжелую ладонь на стол. Посуда звякнула и поползла в стороны с противным скрежетом.

— Линь Сяоли, да ты, я смотрю, совсем берега попутала!

Женщина молчала. Даже плотный слой косметики не мог скрыть мертвенную бледность ее лица. Крепко стиснув зубы, она наконец подняла глаза и прямо встретила бешеный взгляд мужа. В ее груди разом сдетонировали страх и долго копившаяся обида. Стараясь унять дрожь в голосе, она выкрикнула:

— Ты клялся, что завязал с картами! И что в итоге? Снова спустил триста тысяч! Где мне взять такие деньги, а? Как нам жить дальше, Чэнь Шунь?! Думаешь, я дура? Да я давно знаю, что ты

завел себе девку на стороне и содержишь ее!

Чэнь Шуня будто полоснули по живому. В ярости он рванулся вверх, пинком опрокинул обеденный стол и с размаху замахнулся на жену тяжелой лапищей.

— Не смей ее трогать, ублюдок! — Илинь коршуном бросился наперерез.

Силы были слишком неравны. Бывший профессиональный боксер, Чэнь Шунь возвышался почти на метр девяносто и весил за центнер. Одним небрежным взмахом мощной руки он швырнул парня через комнату.

Чэнь Илинь рухнул спиной прямо на осколки фарфора, но даже не почувствовал боли. Увидев, как отец намотал на кулак волосы матери и волоком тащит ее в спальню, Илинь обезумел. Он ворвался на кухню, схватил тяжелый тесак для мяса и со всей яростью обрушил его на шею отца.

— Илинь, нет! — истошно закричала Линь Сяоли. Из последних сил вырвавшись из цепких пальцев мужа, она повисла на руках сына.

Перед глазами Чэнь Илия все плыло от кроваво-красной пелены. Тяжело дыша, он наставил тесак на Чэнь Шуня и прорычал:

— Сделай еще хоть шаг к ней, сука! Я тебя выпотрошу!

Мать мертвой хваткой вцепилась ему в поясницу, пытаясь оттащить назад. Ее голос сорвался на рыдания:

— Сынок, умоляю, брось нож! Не надо!

Чэнь Шунь дико осклабился. Медленно закатав рукава, он ткнул толстым пальцем себе в кадык:

— Ну давай, бей сюда, щенок! Давай! Если ты меня сейчас не завалишь, я вас обоих здесь закопаю!

Руки Илия ходили ходуном от перенапряжения. Он шумно, со свистом хватал ртом воздух, чувствуя, как пульсирующая кровь молотит в висках. Крик матери у самого уха слился в единый невыносимый ультразвук, перед глазами все окончательно потемнело, и сознание парня поглотил плотный, звенящий мрак.

Когда он снова открыл глаза, его вновь окружил упоительный аромат домашнего ужина.

— Линьлинь, спускайся скорее! Мой руки и за стол! — донесся снизу ласковый голос матери.

Чэнь Илин timerастерянно огляделся. Квартира была совершенно чужой — просторной, залитой мягким светом гостиной. На аккуратных полочках красовались спортивные кубки и семейные фотографии. На каждом снимке другой Чэнь Илин timerубался, стоя в обнимку с отцом и матерью на фоне живописных мест, где настоящий Илин timerикогда в жизни не бывал.

Со второго этажа слышались шаги.

По ступенькам сбегал тот «Чэнь Илин timer». Хотя они были похожи как две капли воды, Илин timerмгновенно распознал двойника — наверное, по этой его вечной, невыносимо раздражающей ухмылке довольного жизнью баловня судьбы.

— А отец где? — поинтересовался двойник.

— Папа на работе задерживается, а тетушка Вэй уже оставила ему ужин в духовке, — Линь Сяоли с нежной улыбкой поманила его к себе. — Ну-ка иди сюда, дай маме тебя обнять.

Парень шутливо заворчал, делая вид, что сопротивляется, но послушно шагнул в объятия матери. Линь Сяоли крепко прижала его к себе, причитая:

— Прости меня, глупую маму! Из-за этой дурацкой командировки пропустила твой день рождения. Мне так грустно, так грустно!

— Да ладно тебе, отпразднуем еще раз, делов-то, — двойник мягко отстранился и заботливо выдвинул для нее стул. — Признайся, ты просто нацелилась на тот новый ресторан? Вчера во время видеозвонка у тебя аж слюнки текли. Отец со смеху чуть не лопнул, когда это заметил.

— Вовсе и нет, — шутливо надулась мать, явно лукавя.

— Тогда в следующий раз сходим туда только вдвоем, а папу с собой не возьмем, — заговорщически подмигнул парень.

Линь Сяоли довольно рассмеялась и принялась заботливо подкладывать ему в тарелку лучшие кусочки:

— Вот, угощайся. Твой любимый тушеный сибаc и золотистый помпано на пару. Завтра скажу отцу, чтобы съездил на рынок за самой свежей рыбой. Но с чего вдруг такие перемены? Ты же раньше терпеть ее не мог?

— Сам не знаю. В последнее время жор напал дикий, и именно на рыбу тянет, — озадаченно почесал затылок парень.

Чэнь Илинь стоял у края стола. Он прекрасно видел их лица, чувствовал одуряющие ароматы еды, но оставался лишь бесплотным призраком. Поколебавшись, он протянул руку и осторожно коснулся затылка своего двойника.

Тот внезапно вздрогнул и резко обернулся.

Илинь отпрянул как ошпаренный.

— Что случилось, сынок? — обеспокоенно спросила мать.

— Показалось... будто меня кто-то по затылку погладил, — парень потер шею, недоуменно оглядывая пустую комнату.

— Может, переутомился из-за экзаменов? — встревожилась Линь Сяоли. — Сынок, учеба учебой, но гробить здоровье ради оценок я тебе не позволю. Твое самочувствие важнее всего.

— Да знаю я, мам, сплю как сурок, — парень постарался отогнать нахлынувшую тревогу и принялся за рыбу. — Наверное, просто сквозняком по шее потянуло. Осень все-таки.

Мать радостно хлопнула в ладоши:

— Вот и отличный повод съездить в молл за теплыми вещами!

— Мам, ну куда... — обреченно вздохнул Илинь-двойник.

— Ой, всё, знаю я твоё «надо учиться». Ладно уж, вытащу твоего отца, раз сын родной брезгует составить матери компанию.

Чэнь Илинь стоял поодаль, молча наблюдая за этой идиллической картиной, и зажмурился до боли в веках.

"Чертовщина какая-то... Неужели моя жизнь настолько беспросветна, что воспаленный мозг начал рождать такие слащавые галлюцинации?"

"Уж лучше бы мне приснилось, что я выиграл в лотерею миллиард юаней."

— Чэнь Илин? Ты меня слышишь? Очнулся?

Чужой голос вырвал его из забытья. Илинь распахнул глаза и наткнулся на склонившуюся над ним незнакомку в белом халате.

— Ну слава богу, пришел в себя. Вот квитанция на оплату, как только придут твои родители, отдай им, пусть сразу оплатят в кассе, — медсестра деловито сменила флакон капельницы. — И побереги правую руку. Тебе вправили вывих, но рентген показал небольшую трещину в кости. До полного заживления — никаких резких движений.

— А кто... кто меня сюда привез? — хрипло спросил Чэнь Илин, обводя палату мутным взглядом.

— Женщина какая-то. Твоя мать, судя по всему, — медсестра вздохнула и покачала головой.

Сосед по палате, грузный мужчина средних лет, неодобрительно цокнул языком:

— Ну и молодежь пошла, никакого сладу с вами нет. Так разукрасить друг друга! Родители небось с ума сходят от тревоги, все морги уже обзвонили.

Илинь пропустил его ворчание мимо ушей и попытался приподняться, свесив ноги с койки. Медсестра тут же уложила его обратно:

— Куда намылился? А ну лежать! У тебя сотрясение мозга средней тяжести, прописан строгий постельный режим.

Парень уже хотел отмахнуться, как вдруг дверь скрипнула. В палату вошла Линь Сяоли с термосом в руках.

— Очнулся наконец? — сухо бросила она.

Заметив на лице матери плотную медицинскую маску, Чэнь Илинь мгновенно закипел от ярости:

— Этот урод... Чэнь Шунь опять тебя!..

Линь Сяоли негромко переговорила с медсестрой, спроваживая ту из палаты, и задернула плотную ширму, отгораживая их кровать от посторонних глаз. Она поставила термос на тумбочку, опустила на стул и окинула сына долгим, бесконечно уставшим и безразличным взглядом.

Женщина медленно стянула маску. На ее лице не было свежих следов побоев.

— Твой нож его напугал. Он не посмел меня тронуть.

Илинь подался вперед, затаив дыхание:

— А он... он сдох?

— Нет. Увернулся в последний момент, только руку ему зацепило, — Линь Сяоли буравила его взглядом. — Головой думать надо, а не эмоциями. Убил бы его — и упекли бы тебя за решетку до конца дней. Стоит оно того?

Чэнь Илинь попытался усмехнуться, но рассеченную губу обожгло острой болью, заставив его судорожно втянуть сквозь зубы воздух.

— Твой отец согласился на развод, — будничным, лишенным всяких чувств тоном произнесла Линь Сяоли. Она небрежно заправила за ухо выбившийся локон. Илинь заметил на ее мочке клочок марли, сквозь который просачивалась сукровица. Роскошные золотые серьги бесследно исчезли.

— Серьезно?! — Илинь не верил своим ушам, но в душе мгновенно вспыхнуло ликование.

— С одним условием: я беру на себя двести тысяч его долгов, а ты остаешься жить с ним, — отчеканила Линь Сяоли. — Иначе подписи на разводе не видать.

Чэнь Илинь онемел. Горло перехватило спазмом, а в носу предательски закололо от подступающих слез. Он растерянно, как побитый пес, смотрел на мать.

— Мам, но как же... я ведь...

— Я терпела этот ад долгие годы только ради того, чтобы ты встал на ноги. Но мои силы на исходе, Илинь. Я больше не выдержу ни дня, — Линь Сяоли видела, как катятся по его щекам слезы, но ее голос становился все холоднее и безжалостнее. — Тебе скоро восемнадцать. Ты уже взрослый парень, так что крутись сам. Ищи способ сбежать от него. Останешься — он тебя рано или поздно в могилу вгонит.

Илинь сидел ни жив ни мертв, не зная, что сказать в ответ на этот жестокий приговор.

— Здесь десять тысяч юаней. Пин-код — дата твоего рождения. Спрячь так, чтобы этот ублюдок не нашел, — Линь Сяоли положила на край простыни тонкий кусок пластика. — Больше я в Учэн не вернусь. Никогда.

Встав со стула, она развернулась и стремительно покинула палату, ни разу не оглянувшись.

Илинь судорожно приоткрыл рот, порываясь крикнуть ей вслед, умоляя остаться... но так и не издал ни звука, до смерти испугавшись, что она действительно остановится и посмотрит на него с еще большим презрением.

Сколько он так просидел, уставившись в одну точку, Илинь не знал. Очнулся он только тогда, когда почувствовал на губах соленый привкус слез, смешавшихся с запекшейся кровью. Медленно, словно чужую, он поднял затекшую левую руку и грубо размазал влагу по лицу.

"Я должен радоваться за нее. Радоваться, что она наконец выбралась из этого зловонного, засасывающего болота."

Он отчаянно пытался убедить себя в этом, но душу неумолимо выжигала леденящая пустота. Мать спаслась и улетела прочь. Но куда бежать ему? Кто спасет его?

— Ты что, плачешь? — вдруг раздался совсем рядом тихий, вкрадчивый и пугающе знакомый голос.

Чэнь Илинь вскинулся.

Прямо у его постели стоял давешний двойник из его галлюцинаций. С легким любопытством и детским восторгом парень медленно тянул к нему ладонь.

Изящные, длинные пальцы беззвучно прошли сквозь щеку Илиня, словно сквозь туман. Двойник на мгновение удивленно моргнул, но тут же лукаво сощурился. Чуть наклонившись, он призрачным движением очертил дорожку от слезы у Илиня на виске, а затем придвинулся почти вплотную, пристально вглядываясь в его исплаканное лицо.

Чэнь Илиню показалось, что он кожей ощущает чужое теплое дыхание. В панике он попытался откинуться на подушки.

Гость забавно вскинул бровь и расплылся в широкой, многообещающей улыбке:

— Ого. Так ты меня всё-таки видишь?

Холодный физраствор из капельницы продолжал ледяной струйкой сочиться в вену, остужая закипающую кровь. Сердце Илиня пропустило удар, а затем забилося медленно и глухо. Он во все глаза смотрел на ночного визитера.

Из темноты палаты отчетливо пахло прохладной свежестью — едва уловимым, бодрящим ароматом спелого лайма.

<http://bllate.org/book/19008/1868475>